

Энн Райс
**МЕМНОХ-
ДЬЯВОЛ**

Тонкое словесное кружево, наполненное чувственностью
и музыкой, воистину чарующая история...

The New York Times Book Review

Оглавление

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Интервью с вампиром
Вампир Лестат
Царица Проклятых
История Похитителя Тел
Мемнох-дьявол

Энн
Райс

МЕМНОХ-ДЪЯВОЛ

Санкт-Петербург

Anne Rice
MEMNOCH THE DEVIL
Copyright © 1995 by Anne O'Brien Rice
and the Stanley Travis Rice, Jr. Testamentary Trust
All rights reserved

Перевод с английского
Ирины Шефановской, Ирины Иванченко
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Райс Э.

Мемнох-дьявол : роман / Энн Райс ; пер. с англ. И. Шефановской, И. Иванченко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — (Азбука-бестселлер).

ISBN978-5-389-21560-3

16+

Зимний Нью-Йорк начала 1990-х. Именно сюда приводит вампира Лестата след одного из крупнейших наркодельцов Америки. На одной из тайных квартир, где преступник хранит ценнейшее собрание антикварных религиозных предметов, происходит их роковая встреча. Роковая и для Лестата, и для его жертвы. Ибо за ними незримо наблюдает сам Мемнох-дьявол, выбравший вампира Лестата себе в помощники, чтобы совместно противостоять Богу. Первый роман писательницы «Интервью с вампиром», положивший начало циклу «Вампирских хроник», в который входит и «Мемнох-дьявол», стал настоящим событием в мире литературы. Общий его тираж превысил рекордные 15 миллионов экземпляров, это едва ли не самая продаваемая из книг современных авторов в истории книжной торговли.

© И. И. Шефановская, перевод (гл. 1–12), 2004

© И. В. Иванченко, перевод (гл. 13–26), 2004

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

*Стэну Райсу, Кристоферу Райсу и Мишель Райс,
Джону Престону, Говарду и Кэтрин Аллен О'Брайен,
брату Кэтрин Джону Аллену, дяде Микки,
его сыну Джеку Аллену и всем его потомкам,
а также дяде
Мариану Лесли, который той ночью был в баре «Корона»,
и всем моим родным и близким посвящаю эту книгу*

ЧЕГО БОГ НЕ ЖЕЛАЛ

Спи всласть,
Плачь, если плачется,
Но, главное,
Ходи почаще на колодец
И больше пей
Сверкающей,
Трепещущей воды.
Задумывая нас,
Бог не желал,
Чтобы мы слишком
Мудрствовали.
Ну, что же.
Скажи Ему,
Что ведра наши полны,
И пусть Он
Катится
Ко всем чертям.

*Стэн Райс
24 июня 1993*

ЖЕРТВА

Тому, что не дает пустоте
Сломить человека,
Растерзать его,
Как дикий вепрь
Ломает кости и терзает
Человеческую плоть;
Да, только этой силе
Готов я в жертву принести
Даже страдания моего отца.

Стэн Райс
16 октября 1993

ДУЭТ НА ИБЕРВИЛЬ-СТРИТ

Человек в черной кожаной куртке
Покупает крысу, чтобы скормить
Ее своему питону. Для него
Детали не важны.
Сойдет любая крыса.
Удаляясь от зоомагазина,
Я вижу человека в гараже отеля.
Цепной пилой он вырезает
Лебедя из глыбы льда.

*Стэн Райс
30 января 1994*

Пролог

Лестат приветствует вас. Если вы меня знаете, можете пропустить следующие несколько фраз. А тем, с кем мне еще не доводилось встречаться, предлагаю любовь с первого взгляда.

Смотрите и восхищайтесь! Вот он, ваш герой, перед вами: великолепная имитация мужчины шести футов ростом, светловолосого, голубоглазого, истинного англосакса. Я вампир, причем один из самых могущественных в мире. Клыки мои слишком малы, чтобы бросаться в глаза — если, конечно, я сам того не пожелаю, — однако очень остры, и не проходит нескольких часов, чтобы во мне не разыгралась жажда крови.

Это вовсе не значит, что я действительно в ней так часто нуждаюсь. Откровенно говоря, я и сам не знаю, как долго могу обходиться без свежих вливаний, ибо ни разу не проверял.

А вот сила и способности мои поистине безграничны. Я могу летать, могу слышать разговоры людей, находящихся в противоположном конце города и даже по другую сторону планеты, могу очаровать и полностью подчинить своей воле любого.

Я бессмертен и практически не меняюсь с 1789 года.

Вы спросите, один ли я такой на земле. Нет, конечно. Мне известно о существовании по меньшей мере еще двух десятков вампиров. С половиной из них я знаком достаточно близко и половину из этих близких знакомых искренне люблю.

Прибавьте к этим двадцати еще две сотни бродяг и скитальцев, о которых я равным счетом ничего не знаю, но слухи о которых время от времени достигают моих

ушей, да еще добрую тысячу бессмертных, предпочитающих вести замкнутый образ жизни и скрывающихся под личиной обычных людей.

Практически любой человек, будь то мужчина, женщина или ребенок, может быть обращен в нам подобного. Вампиру достаточно лишь этого пожелать и выпить из смертного почти всю кровь, чтобы затем вернуть ее обратно, но уже смешанной со своею. Процесс в целом, безусловно, не так прост, но тот, кто благополучно выживает, становится бессмертным. Молодые вампиры испытывают неуголимую жажду крови и вынуждены убивать практически каждую ночь. С течением времени они становятся спокойнее и обретают мудрость, даже если в момент превращения были совсем еще детьми; необходимость в убийствах у них отпадает, и тысячелетние бессмертные пьют кровь не по той причине, что остро в ней нуждаются, а лишь потому, что не в силах устоять перед соблазном.

Что ожидает тех, кому судьбой уготовано прожить еще дольше — а есть среди нас и такие, — сказать трудно. Возможно, они превратятся в истинных чудовищ: тела их затвердеют, а кожа станет еще белее. Им доведется познать столько мучений, что периоды доброты и жестокости, удивительной пронизательности и маниакального безрассудства будут часто сменять друг друга. Вполне вероятно, что кто-то из них лишится разума, но вскоре обретет его вновь. А кому-то, быть может, суждено даже забыть собственное имя.

Я воплощаю собой наилучшее сочетание молодости и зрелости. Обстоятельства сложились так, что мне, вампиру всего лишь двухсотлетнего возраста, было даровано могущество древних. Я обладаю безупречным вкусом истинного аристократа и в то же время умею тонко чувствовать и воспринимать все новое и современное. Я отлично сознаю, кто я и что я. Я богат. Я красив. Я способен видеть собственное отражение в

зеркала и витринах магазинов. Я люблю петь и танцевать.

Чем я занимаюсь? Всем, что доставляет мне удовольствие.

Ну как? Всего вышеизложенного достаточно, чтобы вам захотелось прочесть мою историю? А может быть, вы читали и то, что было написано мною о вампирах прежде?

Но в том-то и подвох, что в данном случае моя вампирская сущность не играет никакой роли. Суть вовсе не в ней. Вампирская ипостась такая же данность, как моя невинная улыбка, приятный вкрадчивый голос, французский акцент и грациозная, немного с ленцой походка. Как говорится, все в одной упаковке. Суть в другом: то, что *произошло*, могло произойти с любым человеком. Более того, я уверен, что кому-то из смертных уже пришлось пережить нечто подобное, а кому-то предстоит пережить это в будущем.

У всех у нас есть душа. Мы стремимся постичь сущность вещей, мы живем на одной земле, исполненной богатства, природного очарования и опасностей. Никто из нас — подчеркиваю: никто! — на самом деле не знает, что значит умереть, как бы мы ни пытались доказать обратное. В противном случае я бы сейчас не писал эти строки, а вы не имели бы возможности прочесть мою книгу.

И еще один очень важный момент: я поставил перед собой задачу быть и всегда оставаться поистине выдающейся личностью, духовно богатой, нравственно твердой и эстетически значимой, — существом, обладающим поразительной мудростью, пронизательностью, которому есть что сказать людям.

Итак, если вы все же решите прочесть мою книгу, примите во внимание и такой аргумент. Лестат вновь заговорил, он испуган, он отчаянно нуждается в наставлениях и похвалах, он ищет смысл жизни, он

жаждет постичь и сделать доступной вашему пониманию суть собственного повествования. И та история, которую он намерен вам изложить, — лучшая из всех, когда-либо им рассказанных.

Если вам недостаточно и этого, прочтите что-нибудь другое.

А если я сумел вас заинтересовать, продолжим. Закованный в цепи, я диктовал эти строки своему другу и секретарю. Выслушайте меня. Последуйте за мной и не оставляйте меня одного.

Глава 1

Я увидел его, едва он вошел в дверь. Высокий, плотного телосложения, по-прежнему сохранивший смугловатый оттенок кожи, который она имела, когда я сделал его вампиром. В целом он ничем не отличался от обыкновенного смертного, разве что только двигался слишком быстро. Мой возлюбленный Дэвид.

В тот момент я находился на лестнице — шикарной, надо признаться, ибо встреча наша произошла в одном из тех роскошных старых отелей, в чрезмерно богатой отделке которых преобладает темно-красный с золотом цвет и жить в которых весьма приятно. Отель выбрал не я, а моя жертва. Она, точнее, он обедал со своей дочерью. Проникнув в его мысли, я узнал, что, приезжая в Нью-Йорк, он всегда видится с ней именно здесь по одной простой причине: отель расположен как раз напротив собора Святого Патрика.

Дэвид сразу обратил внимание на молодого блондина с длинными, раз и навсегда красиво подстриженными и расчесанными волосами, с отливающими бронзой руками и лицом, одетого в темно-синий двубортный костюм от «Братьев Брукс» и скрывающего глаза за неизменными темно-фиолетовыми стеклами очков.

Дэвид не смог скрыть улыбку. Ему было хорошо известно мое тщеславие, равно как и то, что в начале девяностых годов двадцатого века итальянские модельеры заполнили рынок таким количеством бесформенной, мешковатой, нескладной одежды, что любому, кто хотел выглядеть действительно привлекательно и эротично, не оставалось ничего иного, кроме как нарядиться в великолепно сшитый темно-синий костюм от «Бруксов».

Кроме того, кому, как не мне, знать, что густые, ниспадающие волнами волосы в сочетании с тщательно подобранной одеждой всегда представляют собой весьма эффективное и сильнодействующее средство.

Однако я не намерен заикливаться на тряпках. Они того не стоят. Просто я был очень горд собственной внешностью и умением совмещать в себе, казалось бы, совершенно несовместимое: длинные локоны, безупречный покрой костюма и царственную манеру стоять, облокотившись на перила.

Дэвид сразу же бросился ко мне. От него пахло зимой. На улице действительно было холодно, прохожие скользили по покрытым льдом тротуарам, а в сточных канавах снег превращался в мерзкую грязь. Лицо Дэвида чуть светилось, однако этот необыкновенный блеск мог заметить и достойно оценить только я. Меня он приводил в восхищение.

Мы поцеловались и вместе поднялись в устланный коврами бельэтаж.

Ужасно, что Дэвид на целых два дюйма выше меня, однако я его очень любил и искренне радовался возможности побыть с ним рядом. К тому же в этом просторном, теплом, погруженном в полумрак помещении мы были совершенно избавлены от чужих любопытных взглядов.

— Ты пришел! — воскликнул я. — Откровенно говоря, я не слишком на это надеялся.

— Еще бы, — проворчал Дэвид.

Его мягкий британский акцент в сочетании с юным лицом по-прежнему производил на меня неизгладимое впечатление. Этого пожилого человека, получившего молодое тело, я недавно сделал вампиром, причем одним из наиболее могущественных.

— А чего ты ожидал? — спросил он. — Арман сказал, что ты зовешь меня. И Маарет.

— Понятно. Ты ответил на мой первый вопрос.

Мне хотелось расцеловать его, и я неожиданно даже для самого себя протянул к нему руки, но так, чтобы в случае необходимости он имел возможность уклониться от моих объятий. Когда же он этого не сделал, а, напротив, тепло обнял меня в ответ, я почувствовал такую радость, какой не испытывал вот уже много месяцев.

Точнее говоря, целый год — с того момента, когда мы втроем — Дэвид, я и Луи — оказались где-то в непроходимых джунглях и приняли решение расстаться.

— Твой первый вопрос? — Дэвид смотрел на меня пристально, изучающе, пытаюсь понять, что у меня на душе. А это было нелегко, ибо вампир и его создатель лишены возможности читать мысли друг друга.

Мы долго стояли так — два существа, богато одаренные сверхъестественными способностями. Нас переполняли чувства, однако выразить их и общаться между собой мы могли лишь одним, но, быть может, самым наилучшим на свете способом: словами.

— Да, потому что первое, что я хотел у тебя спросить, виделся ли ты с остальными и не пытались ли они причинить тебе вред. Ты же знаешь... Все эти разговоры по поводу того, что, обратив тебя, я нарушил установленные правила. Ну и прочий вздор.

— Прочий вздор, — насмешливо передразнил он мой французский акцент, теперь еще смешавшийся и с американским. — О каком вздоре...

— Ладно, — прервал я его. — Давай пойдем в бар и поговорим там. Главное я выяснил: никто не сделал тебе ничего плохого. Откровенно говоря, я был уверен, что они не смогут и не осмелятся и что опасность тебе на самом деле не грозит. В противном случае я никогда не позволил бы тебе в одиночку странствовать по миру.

— А разве ты не твердил мне об этом каждые пять минут, перед тем как расстаться?

Мы отыскали свободный столик возле стены. Народа в

баре было не много — как раз то, что нам и требовалось. Интересно, как мы выглядели со стороны? Наверное, как двое молодых людей в поисках партнеров или партнерш для любовных приключений.

— Никто не причинил мне вреда, — сказал Дэвид. — По-моему, ни у кого и в мыслях не было ничего подобного.

Кто-то играл на пианино — мелодия звучала, на мой взгляд, слишком тихо и нежно для такого заведения. Это было одно из произведений Эрика Сати. Как мило.

— Какой галстук! — воскликнул Дэвид и, сверкнув ослепительной белозубой улыбкой, наклонился ко мне через стол. Клыков его, конечно, видно не было. — Эта масса шелка на твоей шее явно не от «Братьев Брукс». — Он тихо рассмеялся, словно поддразнивая меня. — А твои ботинки! Что творится у тебя в голове? И вообще, что происходит?

Над нашим столиком нависла огромная тень. Подошедший бармен произнес несколько дежурных фраз, которые из-за волнения и царящего вокруг шума я даже не расслышал.

— Что-нибудь горячее, — ответил ему Дэвид, ничуть не удивив меня таким заказом. — Пунш или что-то в этом роде — на ваш выбор.

Я кивнул и жестом показал равнодушно взиравшему на нас парню, чтобы тот и мне принес то же самое.

Вампиры всегда заказывают горячие напитки, поскольку не пьют, но с удовольствием ощущают их тепло и вдыхают исходящий от них аромат.

Дэвид вновь перевел взгляд на меня. Точнее, не Дэвид, а некий человек, чей облик был мне хорошо знаком и в чьем теле с некоторых пор заключен Дэвид. Ибо сам Дэвид навсегда останется для меня пожилым джентльменом, которого я знал и высоко ценил, равно как теперь начинаю ценить и похищенное нами великолепное плотское вместилище его души, ибо оно

постепенно меняется и я все чаще вижу мимику, жесты и манеру поведения, свойственные именно Дэвиду.

Не пугайся, дорогой мой читатель. Обмен телами произошел еще до того, как я сделал Дэвида вампиром, и к моему рассказу этот факт не имеет никакого отношения.

— Тебя опять что-то преследует? — спросил Дэвид. — Так мне сказал Арман. И Джесс.

— Где ты их видел?

— Армана? Встретил случайно. В Париже. Он шел по улице. Он был первым, кого я встретил.

— И он даже не попытался сделать тебе какую-нибудь гадость?

— С чего бы вдруг? Зачем ты звал меня? За тобой кто-то следит? Что, собственно, случилось?

— Ты был с Маарет?

Дэвид покачал головой и откинулся на спинку стула.

— Знаешь, Лестат, я изучал рукописи, которые вот уже много веков в глаза не видел ни один человек. Мне посчастливилось прикоснуться к глиняным табличкам, которые...

— Дэвид, мой ученый Дэвид! — перебил его я. — Воспитанник Таламаски, получивший образование, позволяющее стать совершенным вампиром, хотя никто в ордене и помыслить не мог, что тебе уготована такая судьба.

— Да пойми же! Маарет отвезла меня туда, где хранятся ее сокровища. Ты должен понимать, каково это — держать в руках табличку, испещренную знаками и символами, которыми пользовались еще до изобретения клинописи. А сама Маарет! Ведь я мог прожить невесть сколько столетий и не встретить ее!

На самом деле Маарет была единственной, кого ему стоило опасаться. Полагаю, мы оба это знали. В моих воспоминаниях о ней, однако, не осталось и тени ощущения исходящей от нее угрозы — только тайна,

загадочность существа, сумевшего пережить тысячелетия, существа столь древнего, что каждый его жест кажется движением ожившего мрамора, а его голосом с нами словно говорит все человечество.

— Если Маарет даровала тебе свое благословение, ничто другое уже не имеет значения, — со вздохом ответил я, думая о том, удастся ли мне самому еще хоть однажды увидеться с ней. Откровенно говоря, надежда на это была очень слабой, да я и не жаждал встречи.

— Я виделся и со своей любимицей, с Джесс, — сообщил Дэвид.

— А-а-а... Впрочем, этого и следовало ожидать.

— Я искал ее повсюду, путешествовал по миру и безмолвно призывал свою любимую Джесс — точно так же, как звал меня ты.

Ах, Джесс! Белокожая, рыжеволосая, хрупкая, словно птичка. Дитя двадцатого столетия. Прекрасно образованная и богато одаренная экстрасенсорными способностями в своей смертной ипостаси, она еще тогда познакомилась с Дэвидом и стала его ученицей в Таламаске. Теперь она тоже принадлежит к сонму бессмертных, и они с Дэвидом сравнялись в красоте и вампирском могуществе. Или почти сравнялись — мне трудно пока об этом судить.

Джесс была обращена в вампира именно Маарет, которая принадлежала к Первому Поколению, а родилась еще до того, как человечество начало писать собственную историю, в те времена, когда люди вообще едва ли понимали, что означает само это слово. Маарет и ее немая сестра Мекаре, о которой давно уже практически никто не вспоминает, теперь Старейшие, если существует в нашем сообществе такой титул, — иными словами, Царицы Проклятых.

Никогда прежде мне не доводилось встречать вампира, непосредственно созданного столь древним существом, как Маарет. Когда мы в последний раз виделись с

Джесс, она буквально излучала невероятную силу. Думаю, сейчас она уже могла бы писать свою собственную историю и рассказать много интересного о своей жизни и приключениях.

Дэвид получил от меня достаточно старую кровь, смешанную с еще более древней, чем кровь Маарет. Да, я имею в виду кровь Акаши и, конечно же, Мариуса. Именно благодаря им я обрел свое нынешнее могущество, а оно, как всем известно, поистине неизмеримо.

Вот почему он и Джесс могли бы составить великолепную пару. Интересно, как она воспринимает своего бывшего пожилого наставника в его новом облике молодого и привлекательного мужчины?

Внезапно я почувствовал укол зависти, а следом за ним меня охватило отчаяние. Ведь я заставил Дэвида покинуть святилище, в котором эти стройные белокожие существа спрятали свои сокровища, дабы уберечь их от превратностей кризисов и войн и сохранить для будущих поколений. Свое тайное убежище они устроили где-то очень далеко, за океаном, в дебрях неведомых мне земель. В голове моей крутились какие-то экзотические имена и названия, но я не имел никакого представления о том, куда на самом деле отправились рыжеволосые красавицы. Однако Дэвида они допустили к своему очагу.

Тихий звук заставил меня вздрогнуть и оглянуться. Смущенный и обескураженный собственной нервозностью, я постарался как можно быстрее успокоиться и ненадолго сосредоточил внимание на своей жертве.

Этот человек по-прежнему находился неподалеку от нас — он сидел в ресторане вместе со своей симпатичной дочерью. Сомнений в том, что этим вечером я его наконец достану, у меня почти не было.

Все, хватит с ним нянчиться. Я гоняюсь за этим типом

вот уже несколько месяцев. Личность достаточно интересная, однако он не имеет ни малейшего отношения к тому, что происходит со мной. Или все же имеет? Я мог бы убить его этим же вечером, но сомневался, стоит ли так поступать. Он был с дочерью, в которой, судя по моим наблюдениям, души не чаял, а потому я решил подождать до ее отъезда. Нехорошо причинять лишние муки столь юному созданию. А он действительно любил ее и как раз в этот момент умолял принять от него какой-то подарок, объясняя, что отыскал вещицу совсем недавно и находит ее просто чудесной. О чем именно идет речь, я понять не мог, ибо ни в ее, ни в его мыслях прочесть ничего не удавалось.

Толстый, прожорливый, временами способный проявить доброту и всегда забавный, этот человек представлял собой идеальную жертву и стоил того, чтобы за ним погоняться.

Но вернусь к Дэвиду. Итак, сидевший напротив меня рослый, привлекательный бессмертный любил Джесс и стал учеником Маарет. Но почему сам я с некоторых пор не испытываю равным счетом никакого почтения к старейшим из нас? Ради всего святого, чего я хочу, чего добиваюсь? Нет, вопрос поставлен неверно. Вопрос в том... чего хотят сейчас от меня... Неужели я пытаюсь убежать от чего-то?

Дэвид тактично ждал, пока я вновь обращу на него внимание. Я повернулся в его сторону, но продолжал молчать. Я не проронил ни слова. Тогда Дэвид поступил так, как обычно и поступают воспитанные люди: словно не замечая, что я смотрю на него сквозь фиолетовые стекла очков с таким видом, будто скрываю какую-то страшную тайну, он неторопливо продолжил прежний разговор.

— Ни у кого и в мыслях не было причинить мне хотя бы малейший вред, — еще раз подчеркнул он. — Все были очень добры, относились ко мне с уважением и ни

разу не поинтересовались, почему ты нарушил запрет и сделал меня вампиром. Однако им хотелось услышать из первых уст рассказ о том, как тебе удалось справиться с Похитителем Тел и выжить. Мне кажется, ты даже не представляешь, до какой степени они были встревожены и как сильно любят тебя.

Дэвид мягко намекал на обстоятельства, при которых мы встретились с ним в последний раз, и на события, заставившие меня превратить его в одного из нам подобных. В то время, однако, я не дождался от него ни благодарности, ни похвалы.

— Любят? Да неужели? — отозвался я. — Я хорошо помню только одно: никто из них, оставшихся в живых представителей нашего великого племени выходцев с того света, не удосужился протянуть мне тогда руку помощи.

Мне вспомнился поверженный Похититель Тел.

Если бы не Дэвид, я вполне мог бы проиграть ту страшную битву. Ужасно было даже подумать о возможности такого финала. И потому мне не хотелось даже вспоминать о славной армии своих великолепных и могущественных соплеменников, которые издали наблюдали за ходом событий, но палец о палец не ударили, чтобы меня поддержать.

В конце концов Похититель Тел отправился в преисподнюю, а тело, за обладание которым мы бились, теперь сидело передо мной, и внутри его был Дэвид.

— Что ж, прекрасно, — сказал я. — Рад слышать, что заставил их хоть немного поволноваться. Но дело в том, что меня вновь преследуют. И на этот раз речь идет не о происках смертного, раскрывшего секрет астрального перемещения и умеющего проникать в чужие тела. За мной *наблюдают*.

Он пристально посмотрел на меня. В его взгляде не было недоверия — скорее в нем читалось искреннее желание постичь смысл сказанного.

— Наблюдают? — задумчиво переспросил он.

— Вот именно, — кивнул я. — Дэвид, я напуган. Я действительно боюсь. Если я поделюсь с тобой своими предположениями и скажу, кем, по моему мнению, является этот наблюдатель, ты поднимешь меня на смех.

— Неужели?

Официант поставил перед нами горячую выпивку, от которой исходил восхитительный аромат. Звуки пианино были едва слышны — опять что-то из Сати. Действительность все же достаточно прекрасна, чтобы даже такому сукину сыну и чудовищу, как я, хотелось продлить свое существование.

Мне вдруг припомнилась одна деталь. Два дня назад я слышал, как этот человек сказал дочери: «Я готов душу продать за такие уголки, как этот». В тот момент я находился далеко от них и, будучи простым смертным, не смог бы услышать ни слова. Однако до меня отчетливо доносился каждый звук, слетавший с губ моей жертвы. А его дочерью я был просто очарован. Дора — так ее звали. Дора... Она была, пожалуй, единственным существом на свете, кого действительно любил этот расплывающийся толстяк.

— Я думал о своей жертве — о человеке, из-за которого, собственно, здесь и оказался, — объяснил я, поймав на себе пристальный взгляд Дэвида. — И о его дочери. Они не намерены сегодня куда-либо выходить. Много снега, и ветер слишком холодный. Сейчас он отведет ее наверх, в номер. Она встанет у окна и оттуда будет любоваться башнями собора Святого Патрика. А я не хочу терять свою жертву из виду.

— Святые небеса! Неужели ты влюбился в эту парочку смертных?

— Нет-нет. Ничего подобного. Всего лишь новый вид охоты. Знаешь, он просто уникален — совершенно самобытная личность. Я в восторге от него. С самого

первого дня, как я его встретил, меня не покидает желание поскорее напиться его крови, но с тех пор он не перестает меня удивлять. И вот уже полгода я повсюду следую за ним.

Я бросил быстрый взгляд в их сторону. Да, все как я и предполагал: они только что встали из-за столика и собирались подняться в номер. Погода была слишком отвратительной даже для Доры, которая намеревалась отправиться в собор, чтобы помолиться за своего отца, и даже надеялась уговорить его присоединиться к ее молитвам. Из обрывков их мыслей и отдельных слов я сделал вывод, что отца с дочерью связывает какое-то общее воспоминание. Дора была совсем маленькой, когда он впервые привел ее в этот собор.

Сам отец ни во что не верил. Она же была своего рода религиозным лидером — читала проповеди в телевизионных аудиториях, убеждая собравшихся в величии духовных ценностей. Что же касается ее отца... Впрочем, я убью его прежде, чем узнаю о нем слишком много, или... Или все кончится тем, что ради Доры я откажусь от этого соблазнительного трофея.

Я оглянулся на Дэвида. Прислонившись плечом к обитой темным атласом стене, он смотрел на меня внимательно и напряженно. При таком освещении никому и в голову не могло прийти, что перед ними не живой человек. Даже наши соплеменники запросто могли ошибиться. Что до меня, то я, вероятно, походил на безумную рок-звезду, жаждущую привлечь к себе внимание всего мира, даже если ценой успеха будет медленная смерть.

— Моя жертва не имеет ко всему этому никакого отношения, — сказал я. — Позже я тебе объясню. Мы оказались здесь только потому, что я последовал за ним в этот отель. Ты же знаешь, охота для меня лишь развлечение. На самом деле я нуждаюсь в свежей крови не в большей степени, чем Маарет, но мне невыносимо

даже думать о том, что я ее не получу.

— И в чем же заключается суть твоей новой игры? — Британский акцент придавал голосу Дэвида особенную любезность.

— С некоторых пор я не гоняюсь за примитивными и злобными убийцами, а предпочитаю иметь дело с более искушенными и изощренными преступниками, по складу ума похожими, скажем, на Яго. Вот этот, например, наркоделец. Весьма эксцентричная личность. Выдающаяся, можно сказать. Он коллекционирует предметы искусства. Ему нравится сажать людей на иглу и зарабатывать миллиарды в неделю на кокаине и героине. И в то же время он обожает свою дочь. А она... Она читает евангелистские проповеди на телевидении.

— Ты и вправду очарован этими смертными.

— Взгляни. Видишь тех двоих за моей спиной в холле? Они сейчас направляются к лифтам.

— Отлично вижу. — Дэвид пристально вглядывался в тех, на кого я указал.

Видимо, они остановились как раз в том месте, где он мог хорошенько их рассмотреть. Я слышал их, ощущал их запах, но, пока не обернулся, не мог с точностью сказать, где именно они находились. Знал только, что они неподалеку — темнокожий улыбающийся мужчина и его бледнолицая девочка, женщина-дитя, наивная и нетерпеливая. Если я не ошибся в расчетах, ей лет двадцать пять.

— Мне знакомо его лицо, — сказал Дэвид. — Большой человек. Знаменитость. Причем на международном уровне. Его не раз пытались привлечь к суду по разным обвинениям. Он причастен к какому-то нашумевшему политическому убийству... Постой... Где же это было?..

— На Багамах.

— Бог мой! Каким же образом тебя угораздило выбрать в качестве жертвы именно его? Неужели ты действительно встретил этого человека случайно,

подобно тому как натыкаешься на раковину, валяющуюся на морском берегу? Или ты увидел его портреты в газетах и журналах?

— Ты знаешь девушку? Никто не подозревает, что они каким-то образом связаны между собой.

— Нет, я ее не знаю. А что, должен? Очень миленькая, симпатичная. Надеюсь, ты не намерен сделать и ее своей жертвой.

Его благородный гнев, вызванный столь чудовищным предположением, заставил меня рассмеяться. Интересно, думал я, уж не спрашивает ли сам Дэвид у будущих жертв согласия отдать ему свою кровь? Или он ограничивается взаимным представлением обеих сторон? Его привычки и манера убивать не были мне известны, равно как и то, как часто ему необходимо питаться. Я сделал его достаточно сильным, а это означало, что он мог пить кровь по крайней мере не каждую ночь. В этом смысле ему повезло.

— Девушка поет религиозные гимны в телестудии, — пояснил я. — Ее церковь в будущем должна обосноваться в старом здании женского монастыря в Новом Орлеане. Сейчас она живет там одна и записывает свои программы в студии — где-то во Французском квартале. Насколько мне известно, ее шоу транслирует из Алабамы какой-то всемирный кабельный канал.

— По-моему, ты в нее влюбился.

— Ничего подобного. Просто мне очень хочется покончить с ее отцом. Ее выступления по телевизору весьма своеобразны. Она очень здраво и захватывающе интересно рассуждает на богословские темы. Такие проповедники способны убеждать аудиторию. И при этом танцует, как нимфа или весталка, и поет, как серафим, приглашая всех присоединиться к ее молитвам. Удивительное сочетание теологии и вдохновенного экстаза, сопровождаемое

соответствующими полезными советами и рекомендациями.

— Понятно, — сказал Дэвид. — И все это возбуждает тебя и делает идею напиться крови ее отца еще более привлекательной. Кстати, он не производит впечатление человека скромного и, похоже, отнюдь не стремится прятаться от посторонних глаз. Ты уверен, что никто не догадывается о их родстве?

Двери лифта открылись, отец с дочерью вошли внутрь, и машина понесла их к небесам.

— Он приходит и уходит, когда захочет. У него целая армия телохранителей. Она девушка вполне самостоятельная и встречается с ним исключительно по собственной инициативе. Судя по всему, они договариваются по сотовому телефону. Он — кокаиновый гигант, а она — самое ценное, что есть у него в жизни. Его люди расставлены по всему холлу. Случись что-то непредвиденное, она немедленно покинула бы ресторан одна. О, он поистине корифей в такого рода делах. Даже если в пяти штатах будут выданы ордера на его арест, он спокойно появится перед телекамерами сидящим в первом ряду на матче тяжеловесов где-нибудь в Атлантик-Сити. Представители власти его никогда не поймают. Но его поймаю я, вампир, мечтающий его убить и выжидающий лишь подходящего случая. Ну разве это не прекрасно?

— Постой, дай мне во всем разобраться. За тобой кто-то — или что-то — наблюдает, но ни твоя жертва — наркоделец или кто он там еще, — ни девушка-телепроповедник не имеют к этому никакого отношения. Тем не менее тебя что-то преследует, что-то пугает, однако не настолько, чтобы ты прекратил гоняться за темнокожим человеком, который только что вошел в лифт.

Я кивнул, но тут же усомнился в собственной правоте... Нет, никакой связи здесь быть не может.